

© 2016 г.

Рустам Маликов

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой
(e-mail: MalikovRI@gambler.ru)

Константин Гришин

доктор экономических наук, профессор
(e-mail: grishin2472@yandex.ru),

(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГЕНЕРАЦИЯ ЗОН ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АТТРАКТОРОВ В ПРОЦЕССЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕКОНФИГУРАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЫ

В статье обосновывается целесообразность конфигурационного подхода к исследованию институтов деловой среды региона. Выдвигается предположение, что в контуре институциональной конфигурации региональной деловой среды формируются зоны институциональных аттракторов, задающие направления развития предпринимательства в регионе. Делается вывод о необходимости институциональной реконфигурации региональной деловой среды с целью генерации зон положительных институциональных аттракторов, способствующих развитию производительного предпринимательства. Предлагается модель оценки ожидаемого дополнительного дохода органов региональной власти, получаемой в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды, обеспечивающей дополнительную экономическую отдачу от субъектов предпринимательства и повышающей их вклад в социально-экономическое развитие территории.

Ключевые слова: региональная деловая среда, институциональные конфигурации, реконфигурация; институциональный аттрактор, предпринимательство.

В свете последних заявлений руководства страны об неизменности социального курса государства и приоритете задач выполнения взятых на себя социальных обязательств, вопросы устойчивого развития отечественной экономики становятся еще более актуальными. Аналогичные требования на современном этапе будут выдвигаться и к региональной экономике в силу того, что начинают наблюдаться тенденции к смене парадигмы государственной политики в сфере регионального развития в пользу децентрализации полномочий и, соответственно, переструктурирования межбюджетных отношений. Все это обуславливает значительное повышение требований к качеству региональной экономики, ее способности не только генерировать достаточный объем ресурсов для

выполнения социальных обязательств, но и формировать серьезные заделы для инновационного развития региона и повышения его конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках. Таким образом, вопрос ставится о способности региональной экономики генерировать и поддерживать необходимые темпы экономического роста.

При этом в стратегическом контексте важен не только факт самого экономического роста, важна структура этого роста с точки зрения наличия в ней инновационной компоненты. Конечно, на инновационность экономики оказывают влияние многие факторы, однако основным из них как на уровне страны, так и на уровне регионов, являются все же институты, ввиду того, что они «влияют на стимулы к инновациям и развитию новых технологий, на стимулы к реорганизации производства и распределению, а также на стимулы к накоплению физического и человеческого капитала» [16. С. 214]. Большое значение для реализации инновационной модели функционирования региональной экономики имеет частное предпринимательство, уровень и качество развития которого также в значительной мере может определяться институтами. У. Баумоль утверждал, что именно действующие в экономике законы и правила — а не совокупное предложение предпринимателей или характер преследуемых ими целей — определяют существенные изменения в показателях роста предпринимательства в различные периоды развития тех или иных государств [3].

По нашему мнению, в настоящее время существует настоятельная потребность в институциональной модернизации деловой среды бизнеса не только на федеральном, но и, может быть, даже и в первую очередь, на региональном уровне. Отсутствие серьезных прорывов в сфере развития предпринимательства (за небольшим исключением) свидетельствует о том, что сложившиеся в значительной части регионов институциональные условия, по всей видимости, исчерпали свой потенциал стимулирования бизнеса¹.

Как известно, одним из ключевых факторов, оказывающих воздействие на динамику социально-экономического роста субъектов Российской Федерации, является качество институционального обеспечения деловой среды региона, определяющего базовые условия функционирования экономических агентов, результативность хозяйственной деятельности которых оказывает прямое воздействие на

¹ В этой связи некоторое сомнение вызывают результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, в рамках которого некоторые регионы демонстрируют довольно высокую динамику изменения «правил игры» в лучшую сторону за относительно короткий период времени. Учитывая существующую высокую инертность бюрократического аппарата и его слабую адаптивность к изменениям (тем более интенсивным), представляется, что реальные институциональные изменения не могут происходить так резко, вследствие чего к результатам рейтинга нужно относиться осторожно, так как они могут не совсем корректно отражать реальные условия для функционирования субъектов предпринимательства в регионах.

уровень социально-экономического развития территории. Вместе с тем деловая среда отдельных регионов характеризуется наличием различных институциональных барьеров на пути развития предпринимательства, низким качеством институционального обеспечения процессов взаимодействия экономических агентов, что проявляется в достаточно высоком уровне оппортунистического поведения как представителей властных структур, так и субъектов предпринимательства. Такое положение дел обуславливает необходимость дальнейшего исследования параметров деловой среды на основе институционального подхода, в рамках которого видится целесообразным учет пространственной специфичности правил ведения бизнес-деятельности.

С целью развития имеющихся подходов к исследованию экономических институтов представляется целесообразным использовать концепцию институциональных конфигураций. Данная концепция еще не получила широкого распространения в теории и методологии институционального анализа, но, по нашему мнению, имеет серьезные научные перспективы, о чем свидетельствует рост в последние годы числа публикаций, посвящённых конфигурационному анализу в зарубежной печати [19, 20, 21] и т.д.

Среди отечественных исследований нужно отметить работу Д. Фролова, в которой автор достаточно последовательно обосновывает новую версию методологического институционализма, в основе которой лежит «концепция институциональных конфигураций, направленная на преодоление искусственного разрыва субъектно-объектной структуры институтов и их систем, когда институты десубъективированы, а агенты деинституционализированы» [15. С. 153]. По мнению Д. Фролова, применение концепции институциональных конфигураций, то есть моделей взаимодействия институтов и их стейкхолдеров в конкретном экономическом пространстве, позволяет рассматривать «институционализацию в единстве ее субъектов (отношенческих и категориальных социальных групп) и факторов (институтов)» [15. С. 155], что с нашей точки зрения, позволяет повысить эффективность институционального анализа при проведении прикладных исследований. В целом данный подход представляется достаточно перспективным как в теоретико-методологическом, так и в практическом аспектах.

Необходимо отметить, что концепция институциональных конфигураций уже на протяжении нескольких лет нами применяется к исследованию региональной деловой среды развития предпринимательства. Впервые конфигурационный подход к исследованию институтов деловой среды был обоснован в нашей работе 2014 года [4], в которой нами предпринята попытка проанализировать и обосновать дифференциацию институциональной среды в территориально-пространственном контексте в зависимости от характера взаимодействия базовых

и дополнительных (формальных и неформальных) региональных институтов и дано следующее определение: институциональная конфигурация региональной деловой среды представляет собой формы соотношения базовых и дополнительных региональных институтов с учетом сложившейся в регионе системы формального и неформального взаимодействия экономических агентов. В соответствии с данным пониманием, институциональная конфигурация региональной деловой среды обуславливает степень и характер трансформации действия базовых институтов при их внедрении в региональную деловую практику.

Как известно, совокупность институтов, регулирующих взаимодействие между экономическими агентами, формирует собой институциональную структуру деловой среды. При этом вариации институциональных структур деловой среды в разных регионах России отличаются внутренними конструктивными особенностями институционального построения, которые характеризуются, например, различной способностью преломлять траекторию развития проектируемых в федеральном центре институтов взаимодействия экономических агентов при их внедрении в региональную деловую практику. Причем характер этих преломлений может иметь как положительный, так и отрицательный эффект для практики деловых отношений в регионе, и, соответственно, свидетельствовать об эффективности или неэффективности региональной деловой среды. Речь идет о возможностях так называемого целевого и нецелевого использования институтов экономическими агентами.

Л. Полищук считает, что институты при определенных условиях могут непредвиденным образом воздействовать на стимулы и поведение экономических агентов, которые находят возможности извлечения личной выгоды из нецелевого использования институтов [12].

Также он приводит следующую типологию нецелевого использования институтов: эксплуатация информационной асимметрии, манипулирование институтами, использование институтов в качестве прикрытия, «подчинение институтов». По нашему мнению, в основе данной типологии лежат, прежде всего, различные способы интерпретации формальных институтов, допускающей их нецелевое использование с целью извлечения личных выгод. Нужно сказать, что, несмотря на меры, направленные на формирование эффективной институциональной среды, на местах интерпретация формальных институтов с позиций нецелевого использования остается весьма распространенной практикой. Так, например, интерпретация положений Федерального закон Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» на местах зачастую осуществляется таким образом, что при формальном ненарушении закона финансы, выделяемые на поддержку малого и среднего предпринимательства, очень часто перераспределяются не в пользу эффективных

и имеющих потенциал роста бизнесов, а на поддержку не всегда экономически эффективного хозяйствующего субъекта, в котором есть личная заинтересованность ресурсораспорядителя (в терминах, предложенных Л. Полищуком данная интерпретация институтов для нецелевого использования может быть названа эксплуатацией информационной асимметрии). Вместе с тем, с другой стороны, можно говорить о характере интерпретации институтов и с точки зрения целевого использования. Например, нарушение индивидуальным предпринимателем законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (Статья 6.3 КоАП РФ) может наказываться либо штрафом (от пятисот до одной тысячи рублей) либо административным приостановлением деятельности на срок до девяноста суток. Совершенно понятно, что разница в применении первого или второго вида административного наказания для предпринимателя может быть довольно существенной. Вполне естественно, что при наличии такого диапазона действий интерпретация данного нормативного положения и, соответственно характер его применения, в значительной мере будут определяться структурой стимулов лица, принимающего решение о наложении взыскания.

Следовательно, можно говорить об интерпретации институтов и с точки зрения целевого использования, и с точки зрения нецелевого использования, при этом формат интерпретации будет зависеть от структуры платежей экономических агентов, участвующих во взаимодействии.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что ключевым фактором, приводящим к реальной дифференциации условий ведения бизнеса в региональном срезе, является то, что на уровне регионов зачастую формальные «правила игры», сформированные, в том числе, с учетом интересов региональных стейкхолдеров, трактуются, интерпретируются и применяются различными участниками экономического взаимодействия (стремящимися улучшить свою структуру платежей) по-разному, в зависимости от преследуемых целей. Именно данная особенность обуславливает существенные различия в параметрах деловой среды разных регионов страны и приводит к формированию специфических, дифференцированных относительно участников взаимодействия «правил игры» в пространственном контексте.

По сути, речь идет не только о «корректировке» способов применения базовых формальных институтов в результате их взаимодействия с дополнительными региональными формальными и неформальными институтами региональной деловой среды с учетом интересов, ресурсов влияния и стратегий разнообразных стейкхолдеров в отношении институтов, но и о персонифицированной интерпретации в свою пользу уже скорректированных и действующих локально институтов

экономическими агентами, обладающими определенным ресурсным потенциалом.

Возможность, а также характер дифференциации правил игры в зависимости от диапазона допустимых значений, устанавливаемых определенным институтом без нарушения конструктивной целостности этого института (без формального нарушения закона или иного нормативно-правового акта), является важнейшей характеристикой проявления его действия в рамках той или иной институциональной конфигурации. В соответствии с уточненным подходом институциональная конфигурация региональной деловой среды представляет собой набор опосредующих деловые отношения взаимосвязанных и взаимодействующих базовых и дополнительных региональных формальных и неформальных институтов, упорядоченных и структурированных в определенной иерархической комбинации, в совокупности определяющих правила, а также ограничения экономического поведения хозяйствующих субъектов в рамках той или иной региональной (пространственной) системы предпринимательства. Ключевой особенностью уточненного подхода является то, что скомбинированная в определенной конфигурации совокупность политических, социальных, юридических правил, и неформальных норм, опосредующих деловые отношения в регионе, рассматривается с учетом характера их интерпретации и применения экономическими агентами в деловой практике при складывающемся характере взаимодействия базовых и дополнительных региональных институтов и стейкхолдеров.

По нашему мнению, в конечном итоге любая комбинация взаимосвязанных и взаимодействующих базовых и дополнительных региональных формальных и неформальных институтов генерирует возникновение так называемых институциональных аттракторов, то есть определенной совокупности структурированных правил экономического поведения, а также способов их интерпретации и применения, взаимодополняющее и комплементарное воздействие которых побуждает экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору соответствующего направления деятельности. Другими словами, зона институционального аттрактора представляет собой своеобразное энергетическое поле, обладающее определенной институциональной векторной индукцией, воздействующей на экономических агентов с достаточной силой и побуждающей их функционировать и развиваться в определенном направлении и диапазоне значений. Генерируемые зоны институциональных аттракторов могут быть положительными (в предыдущих публикациях институциональные конфигурации региональной деловой среды с такими зонами мы называли их благоприятными) и отрицательными. Качественную характеристику зон институциональных аттракторов можно дать

основываясь на подходах У. Баумоля, который считает, что направление деятельности предпринимателя может быть производительным, непроизводительным и разрушительным (деструктивным). Производительное предпринимательство, по его мнению, характеризуется генерированием инновационной ренты, непроизводительное – получением прибыли за счет перераспределения активов, уклонения от налогов и рентоискательства, а деструктивное – так называемым силовым предпринимательством. При этом какое направление деятельности предприниматель предпочтет, зависит, прежде всего, от преобладающих правил игры, под которыми Баумоль опосредованно понимает экономическую структуру вознаграждения предпринимательских усилий или, по-другому, структуру платежей (payoffs) экономических агентов¹ [3]. В самом общем виде можно заключить, что зона положительного институционального аттрактора побуждает экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору производительного направления деятельности, а зона отрицательного институционального аттрактора – непроизводительного и деструктивного направления деятельности. Также необходимо отметить, что практически любая институциональная конфигурация региональной деловой среды, как правило, генерирует как положительные, так и отрицательные зоны институциональных аттракторов, эффективность воздействия которых на экономических агентов определяется мощностью энергетического поля той или иной зоны.

Основываясь на вышеизложенном, можно отметить, что появление институциональных барьеров в развитии регионального предпринимательства обусловлено, прежде всего, сложившейся недостаточно рациональной институциональной конфигурацией региональной деловой среды, характеризующейся неэффективной комбинацией и слабо скоординированным взаимодействием всей совокупности институтов, регулирующих экономические отношения в регионе и формирующих предпосылки для их интерпретации в интересах определенных экономических агентов, или их групп. Наблюдаемые в настоящее время институциональные конфигурации региональной деловой среды характеризуются состоянием значительной дефрагментации, что выражается в нарушении целостности воздействия системы институтов регулирования и поддержки предпринимательской деятельности на функционирование субъектов бизнеса в регионе. При этом до настоящего времени система формальных институтов остается крайне неустойчивой, ежегодно вводятся в оборот новые нормативно-правовые акты (прежде всего на федеральном уровне), которые в некоторых случаях вносят

¹ Структура платежей (поступления и выплаты) экономических агентов в конечном счете и определяет соотношение выгод и издержек, получаемых в результате экономической деятельности, в том числе с учетом использования неформальных схем.

серьезные изменения в региональные правила ведения бизнеса, заставляя субъекты предпринимательства пересматривать стратегии своего функционирования¹.

В целом необходимо отметить, что сложившиеся (а иногда и целенаправленно спроектированные) структурные комбинации и связи базовых и региональных формальных и неформальных институтов, наблюдаемые в ряде российских регионов:

– зачастую нацелены на обеспечение ограничительных мер в ущерб решения задач стимулирования и развития хозяйственной деятельности производительного (инновационного) предпринимательства;

– способствуют развитию и расширению зон отрицательных институциональных аттракторов в некоторых случаях с активным энергетическим полем, в ущерб формированию положительных институциональных аттракторов с заданным вектором развития производительного предпринимательства, сопряженного и согласованного с решением других задач социально-экономического развития регионов;

– эффективны с точки зрения обеспечения интересов отдельных стейкхолдеров, но не эффективны с точки зрения создания стимулов для массового развития производственного и инновационного (а также любого производящего добавленную стоимость) предпринимательства.

Все это ведет к дальнейшему распространению практик нецелевого или некорректного использования вполне работоспособных институтов деловой среды (эффективность которых мы можем наблюдать на примере отдельных регионов, сумевших на основе стандартного набора базовых институтов создать институциональную среду, вполне благоприятную для субъектов бизнеса) и, соответственно, к недоиспользованию экономического потенциала региона.

Таким образом, можно констатировать, что институциональная среда значительной части российских регионов нуждается в институциональной реконфигурации деловой среды, то есть запуске процесса изменения (рекомбинации) способов и характера взаимодействия существующих институтов деловой среды с целью наиболее рационального использования потенциала институтов деловой среды для развития производительного предпринимательства. Результатом институциональной реконфигурации должно стать формирование в региональной деловой среде зоны положительного институционального аттрактора – то есть такой совокупности структурированных

¹ В докладе Государственного совета Российской Федерации «О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» указывается, что ежегодно в юридический оборот вводится около 22 тысяч нормативно-правовых актов, значительная часть которых затрагивает вопросы предпринимательской деятельности. <http://new.opora.ru/images/files/Doklad%20k%20gossovetu.compressed.pdf>.

и скоординированных правил экономического поведения, а также способов их интерпретации и применения, взаимодополняющее и комплементарное воздействие которых будет побуждать основную массу экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору производительного формата деятельности, обеспечивающего им коммерческую выгоду при одновременной общественной полезности. При этом формируемая зона институционального аттрактора должна обладать серьезным энергетическим потенциалом, позволяющим втягивать в свою орбиту максимально возможное количество экономических агентов, функционирующих как внутри региона, так и за его пределами.

Потенциально зоны положительного институционального аттрактора деловой среды могут формироваться в контуре двух моделей институциональных конфигураций региональной деловой среды, которые мы условно назовем X-модель и Y-модель.

В Y-модели институциональной конфигурации региональной деловой среды энергетическое поле, обладающее определенной институциональной векторной индукцией, образуется в результате согласованного и сбалансированного давления на деятельность экономических агентов региональных институтов государственного регулирования и стимулирования предпринимательства, институтов общественного регулирования и НКО, а также институтов саморегулирования бизнеса (рисунок 1).

Каждый субъект предпринимательства, попадающий в зону институционального аттрактора данного типа, заинтересован именно в производительной деятельности, а его экономическая результативность определяется исключительно способностью оперировать рыночными инструментами ведения бизнеса.

В X-модели энергетическое поле, обладающее определенной институциональной векторной индукцией, формируется («закручивается») вокруг институтов власти, образующих своеобразный стержень «институциональной воронки аттрактора». При этом деятельность всех элементов региональной власти, обладающих соответствующими регуляторными полномочиями в экономической сфере, должна быть четко скоординирована между собой и региональными «группами влияния» и сориентирована на единый результат. Положительное энергетическое воздействие поля, «затягивающее» экономических агентов в зону институционального аттрактора и заставляющее их развиваться по определенной траектории, определяется правилом — «чем выше институциональная лояльность субъекта бизнеса, тем больше вероятность его коммерческого успеха». Другими словами, в рамках данного типа аттрактора экономические агенты будут более успешны в случае функционирования

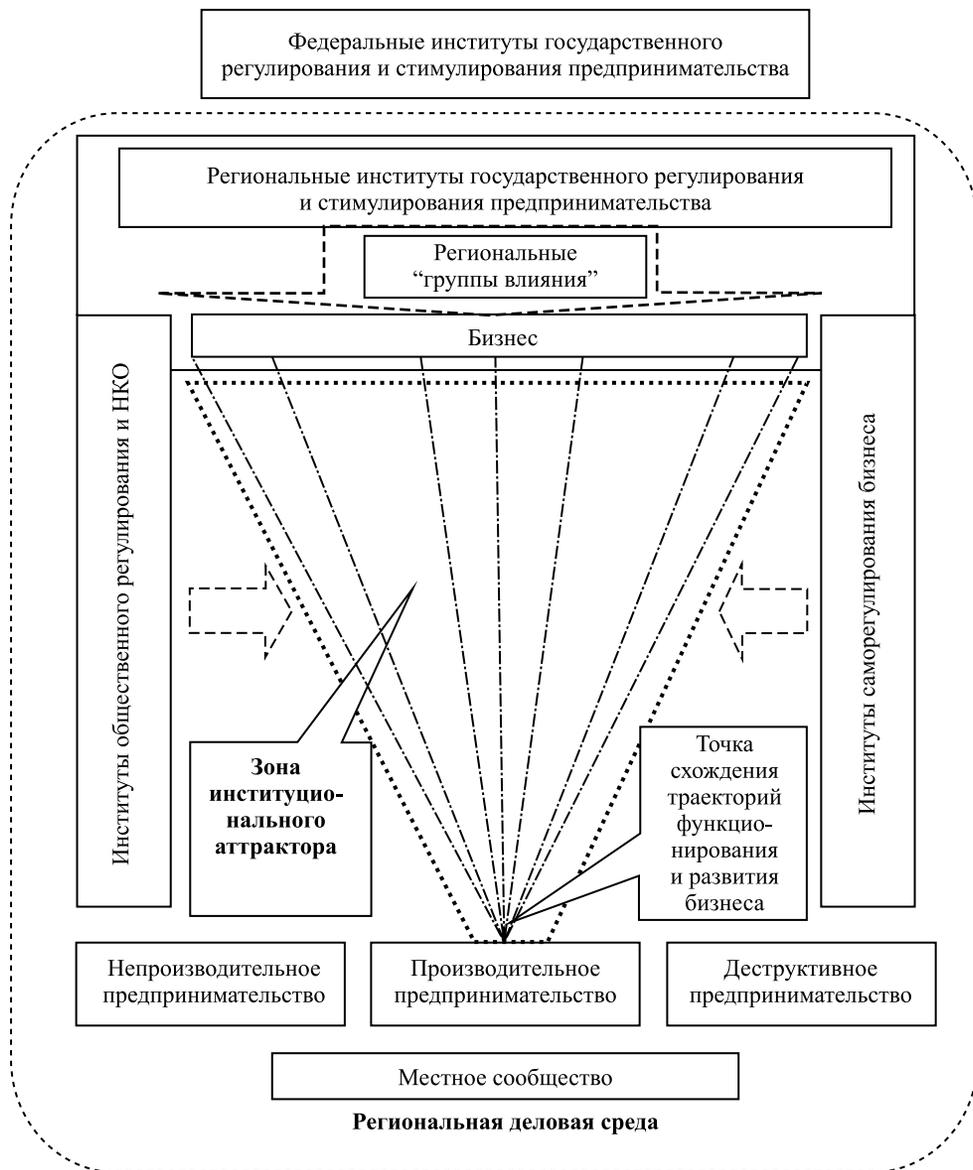
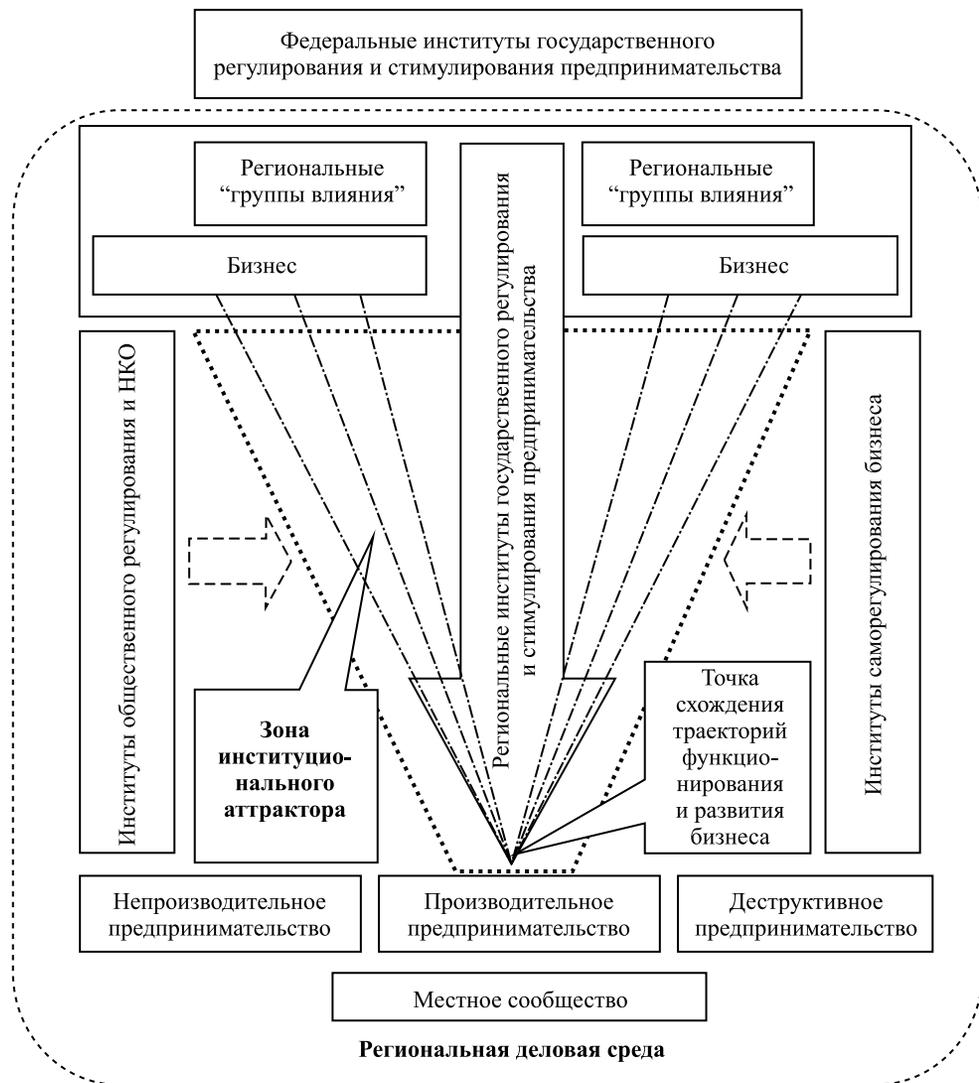

Рис. 1. Упрощенная схема Y-модели институциональной конфигурации региональной деловой среды, генерирующей зону положительного институционального аттрактора

в фарватере политики региональных властей, выполняющих роль локомотива социально-экономического развития региона (рисунок 2).

По нашему мнению, контуры именно такой модели институциональной конфигурации региональной деловой среды, генерирующей зону положительного институционального аттрактора, начинают все более четко вырисовываться в Республике Татарстан, где региональным властям

Рис. 2. Упрощенная схема X-модели институциональной конфигурации региональной деловой среды, генерирующей зону положительного институционального аттрактора

удалось сформировать зону положительного институционального аттрактора с довольно мощной энергетикой, способной даже «перетягивать» инвесторов, первоначально планирующих заходить в другой регион.

В целом, задача институциональной реконфигурации региональной деловой среды с возможностью формирования зоны положительного аттрактора представляется нам весьма сложной и неоднозначной. В этом контексте весьма актуальной видится позиция Я. Кузьмина, В. Радаева, А. Яковлева, Е. Ясина, которые считают, что многие

институциональные реформы проваливались (и продолжают проваливаться) вследствие того, что реформаторы постоянно недоучитывают сложность институциональных систем, в результате чего из внимания выпадают следующие ключевые моменты: институты связаны между собой и их состав принципиально неоднороден [6].

Представляется, что институциональная реконфигурация региональной деловой среды может иметь серьезный шанс на успех, если будет согласована с ресурсными, технологическими и институциональными ограничениями и базироваться на встроенных механизмах, стимулирующих запланированные изменения институтов и предотвращающих возникновение дисфункций и институциональных ловушек [Полтерович, 2008].

Фактором ограничения для практики институциональной реконфигурации деловой среды, по нашему мнению, является эффект PathDependency, или «эффект колеи» [2], в какой-то мере задающий вектор институционального развития общества, в том числе на региональном уровне. В этой связи представляется, что институциональная конфигурация региональной деловой среды может рекомбинироваться и «модифицироваться» только в контуре этой «колеи», вбирая в себя все то лучшее, что может быть создано в рамках общей траектории институционального развития российской деловой среды. Попытка в рамках отдельного региона «перепрыгнуть» на институциональную траекторию другой «колеи» вряд ли может быть успешна или будет носить в значительной мере формальный, то есть декларативный, а чаще декоративный характер.

Поэтому на настоящем этапе развития институциональной среды наиболее приемлемой и эффективной является институциональная реконфигурация региональной деловой среды на основе X-модели.

Важнейшим фактором успешной реализации X-модели является способность региональной власти объединить региональные элиты для целей поддержки институциональных преобразований. Это обусловлено тем, что эффективно институциональная среда функционирования бизнеса будет меняться только в том случае, когда в этих изменениях (хотя бы частично) будут заинтересованы группы влияния, оказывающие решающее влияние на формирование и поддержание «правил игры» в деловой практике. Следовательно, важнейшим условием успешной реконфигурации является консолидация региональных элит путем формирования широкой региональной коалиции в ее поддержку, «которая помимо прямых действий способна генерировать поток ресурсов и влияния для компенсации возможных потерь групп, проигрывающих в результате воплощения в жизнь данного варианта развития» [1]. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что потенциальная точка бифуркации, в которой институциональная реконфигурация деловой

среды может быть запущена, может возникнуть в период смены руководителя региональной власти.

В случае запуска механизма институциональной реконфигурации региональной деловой среды модель ожидаемого дополнительного дохода органов региональной власти (местного самоуправления) можно представить в виде функции полезности:

$$U(d_i, P_s, P_r, F_j, Q_j, g_j) = (1 - P_s) [(d_i - Q_j) - P_r F_j] + P_s [(d_i - Q_j) - P_r F_j - g_j], \quad (1)$$

где d_i – средняя величина дополнительной экономической отдачи от i -субъекта-бизнес, обусловленная формированием благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды;

P_s – вероятность сохранения параметров функционирования i -субъекта бизнеса в прежнем режиме (неприятие бизнесом институциональных изменений);

F_j – ресурсное обеспечение, направляемое на институциональную реконфигурацию региональной деловой среды j -м органом власти;

P_r – вероятность формирования региональной коалиции групп интересов и положительного решения о запуске механизма институциональной реконфигурации региональной деловой среды;

Q_j – издержки j -органов власти в связи с принуждением экономических агентов к функционированию по новым правилам игры, складывающимся в контуре новой институциональной конфигурации региональной деловой среды;

g_j – дополнительные издержки j -органов власти в результате недофинансирования территории, обусловленные недостаточно рациональной институциональной реконфигурацией региональной деловой среды.

Приравняв полученную функцию (1) к нулю, после соответствующих преобразований, получаем:

$$d_i = Q_j + P_r F_j + P_s g_j, \quad (2)$$

$$Q_j = d_i - P_r F_j + P_s g_j, \quad (3)$$

$$P_s = d_i - Q_j - P_r F_j / g_j, \quad (4)$$

$$P_r = d_i - Q_j - P_s g_j / F_j, \quad (5)$$

$$F_j = d_i - Q_j - P_s g_j / P_r. \quad (6)$$

Из полученных формул представляется возможным просчитать ряд параметров институциональной конфигурации региональной деловой среды, обеспечивающей дополнительную экономическую отдачу от субъектов предпринимательства и повышающей их вклад в социально-экономическом развитии территории (табл. 1).

Таблица 1

Значения средней величины дополнительной экономической отдачи i -субъекта бизнеса, обусловленной формированием благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды для функции

$$d_i = Q_j + P_r F_j + P_s g_j \text{ при } F_j = 0,1; Q_j = 0,1; P_r = 0,4$$

$G_j \backslash P_s$	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1
0,1	0,15	0,16	0,17	0,18	0,19	0,2	0,21	0,22	0,23	0,24
0,2	0,16	0,18	0,2	0,22	0,24	0,26	0,28	0,3	0,32	0,34
0,3	0,17	0,2	0,23	0,26	0,29	0,32	0,35	0,38	0,41	0,44
0,4	0,18	0,22	0,26	0,3	0,34	0,38	0,42	0,46	0,5	0,54
0,5	0,19	0,24	0,29	0,34	0,39	0,44	0,49	0,55	0,59	0,64
0,6	0,2	0,26	0,32	0,38	0,44	0,5	0,56	0,62	0,68	0,74
0,7	0,21	0,28	0,35	0,42	0,49	0,56	0,63	0,7	0,77	0,84
0,8	0,22	0,3	0,38	0,46	0,54	0,62	0,7	0,78	0,86	0,94
0,9	0,23	0,32	0,41	0,5	0,59	0,68	0,77	0,86	0,95	1,04
1	0,24	0,34	0,44	0,54	0,64	0,74	0,84	0,94	1,04	1,14

Экономический смысл модели заключается в оценке потенциальных выгод органов власти, запускающих механизм институциональной реконфигурацией региональной деловой среды с целью получения дополнительных ресурсов в условиях сокращения доходов бюджета и роста социальных обязательств.

В целом институциональная реконфигурация деловой среды позволит решить основную задачу – создание единого конкурентного пространства для предпринимательских структур, в контуре которого коммерческих успехов будут добиваться наиболее эффективные субъекты бизнеса, а экономическая деятельность всей совокупности основных хозяйствующих субъектов будет отвечать интересам развития региональных и местных сообществ. Именно конкуренция и отсутствие «неприкасаемых» лежат в основе современного экономического и – шире – общественного прогресса [9], что особенно актуально на региональном уровне, так как именно на этом уровне острее всего ощущается давление факторов конкуренции на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Аузан А. Золотов А. Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 97–107.
2. Аузан А. «Эффект колени». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.

3. *Баумоль У.* Микротеория инновационного предпринимательства // М.: Изд-во Института Гайдара. 2013.
4. *Десярев А., Маликов Р., Гришин К.* Институциональная конфигурация региональной деловой среды: параметры проектирования // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 83–94.
5. *Кирдина С.* Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66–89.
6. *Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е.* Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.
7. *Маликов Р., Гришин К.* Моделирование параметров развития институциональной конфигурации региональной деловой среды // Экономическая политика. 2014. № 6. С. 171–186.
8. *Мау В., Жаворонков С., Черный Д., Яновский К.* Дeregулирование российской экономики М.: Институт экономики переходного периода, Научные труды. 2001. № 32.
9. *Мау В.* Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 4–25.
10. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997.
11. *Полищук Л.* Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 40–65.
12. *Полищук Л.* Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 28–44.
13. *Полтерович В.* Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы, т. 42. 2006. № 1. С. 3–18.
14. *Понов Е.* Институты // Екатеринбург: Институт экономики УрОРАН. 2015.
15. *Фролов Д.* Методологический институционализм 2.0: от институтов к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 147–160.
16. *Хелпман Э.* Загадка экономического роста // М.: Изд-во Института Гайдара. 2012.
17. *Широкова Г., Соколова Л.* Формирование предпринимательской ориентации в российских фирмах малого и среднего бизнеса: роль институциональной среды // Российский журнал менеджмента. 2013. № 1.1 (2). С. 25–50.
18. *Hurwicz L.* Implementation and Enforcement // Political Economy, Institutions, Competition and Representation / W. A. Barnett, M. J. Hinrich, N. J. Schofield (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. 1993. Ch.2. P. 51–59.
19. *Matose F.* Institutional configurations around forest reserves in Zimbabwe: The challenge of nested institutions for resource management Local Environment // The International Journal of Justice and Sustainability. Vol. 13. 2008. № 5. P. 393–404.
20. *Salimaht M., Cullen J. B.* Institutional configurations in innovation and entrepreneurship: A multi country study (Interactive Paper) // Frontiers of Entrepreneurship Research. 2012. Vol. 32. № 16. Article 11. URL: <http://digitalknowledge.babson.edu/fer/vol32/iss16/11>.
21. *Stephan U., Uhlaner L. M., Stride C.* Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations // Journal of International Business Studies. Vol. 46. 2015. № 3. P. 308–331.
22. *Williamson O. E.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38 (3). P. 595–613.
23. *Weingast B. R.* The Economic Role of Political Institutions: Market Preserving Federalism and Economic Development // Law, Economic and Organization. 1995. Vol.11(1). P. 3–31.